

Гибельный восторг о «ДОРОГЕ ПЕРЕМЕН» РИЧАРДА ЙЕЙТСА

Анна Наринская

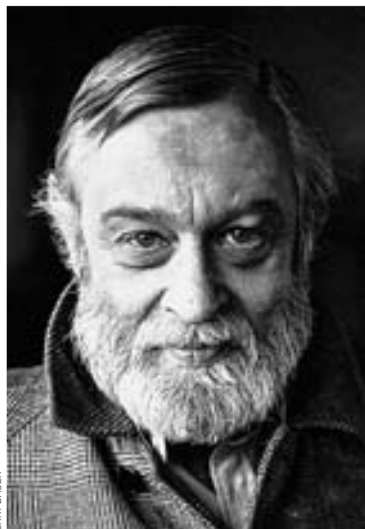

ВЫХОД русского перевода романа Йейтса с очевидностью был приурочен к российскому прокату фильма, который снял сделавший в свое время «Красоту по-американски» Сэм Мендес. Составившуюся таким образом пару необ-

ходимо разбить. Так что скажем сразу: книга гораздо лучше фильма. Во всех отношениях, но лично меня больше всего задевает вот что: создатели экранизации во многом обращаются с текстом Йейтса как литературный критик — они разъясняют. То есть показывают, что имел в виду автор. Что он, в сущности, хотел сказать своей книгой. Для этого за кадром играет выразительная музыка, герои усиленно жестикулируют, а также произносят дополнительные исповедальные монологи, которых Йейтс не мог бы написать в принципе. Не мог потому, что его проза представляет собой пример писательской сдержанности, почти минимализма. Удивительный пример того, как, рассказав бытовую историю, почти не уделяя внимания предметным деталям, не погружаясь в философствования и практически не занимаясь препарированием психики своих героев, автор создает картину времени, работающую лучше любых документальных фильмов, и картину души, и сегодня ни на грамм не потерявшую актуальность. А исполненная эмоций и сентенций ретрокартина Мендеса по сравнению с этим выглядит грубой и простоватой.

Ричард Йейтс родился в 1926 году в городке Йонкерс, граничащем с нью-йоркским районом Бронкс. События его детства и юности выглядят планом будущих произведений. Родители развелись, когда ему было три. Во время Великой депрессии мальчику вместе с матерью пришлось кочевать с места на место. В 1944-м Йейтса призвали в армию, он воевал во Франции, служил в оккупированной Германии. В армии Йейтс заразился туберкулезом, потом получил инвалидность, потом вернулся в Америку, потом женился. Чтобы прокормить семью, он подрабатывал чем только мог — например, написал несколько речей для сенатора Роберта Кеннеди. В 1959-м жена ушла от него, выиграв по суду опеку над их двумя дочерьми.

В 1961 году в свет вышел первый роман Йейтса «Revolutionary Road» — его у нас сейчас и напечатали под названием «Дорога перемен». Этот перевод названия, надо сказать, полностью уничтожает его многозначность: Revolutionary Road — не только метафора того, что происходит, вернее, могло бы произойти с героями книги, но и просто название улицы в поселке в Западном Коннектикуте, где они живут. Хотя тут переводчика Александра Сафронова обвинять не приходится — эта игра слов, похоже, действительно, непереводаема. Куда более обидно наблюдать, как он старательно пытается справиться с другими трудными задачами вроде адекватного перевода нью-йоркского сленга, заставляя героев Йейт-

JERRY BAUER

РОМАН — И ЭТО ДАЖЕ ВАЖНЕЕ ВСЯКИХ ЛУЧШЕ/ХУЖЕ — НЕИЗМЕРИМО ЖЕСТЧЕ И СТРАШНЕЕ ФИЛЬМА

са произносить такие тирады: «Да уж, мозгоправы прибалдели бы от меня... Ну прям тебе гнездилище психов».

В год выхода «Revolutionary Road» вошел в финальный список престижной Национальной книжной премии (вместе с «Ловушкой-22» Джозефа Хеллера и «Киноманом» Уокера Перси), критика единодушно заявила, что в американской литературе появилось новое большое дарование, а знаменитые писатели — Курт Воннегут, Дороти Паркер, Уильям Стайрон, Теннесси Уильямс и Джон Чивер — признали, что их полку прибыло. Но ни эта, ни одна последующая книга Йейтса не продалась тиражом более 12 тыс. экземпляров, что совсем немного для американского книжного размаха. Со смерти Йейтса в 1992 году его книги не переиздавались — до нового всплеска опять-таки критического интереса к «забытому писателю» в начале двухтысячных. По идее фильм Сэма Мендеса призван перевести этот «интерес в узких кругах» в интерес массовый. Но проблема здесь вот в чем: этот фильм и есть массовый вариант книги. Те, кому понравится экранизация, книгу, скорее всего, не полю-

бят. Роман — и это даже важнее всяких лучше/хуже — неизмеримо жестче и страшнее фильма. Йейтс вообще, может быть, самый жесткий писатель, взявшийся вести летопись «безнадежной пустоты» существования провинциальной Америки. Незамутненную прямоту его взгляда не искажает ни ирония, при-сущая его современнику Джону Чиверу, ни поэтичность, свойственная его последователю Реймонду Карверу. И хоть герои Йейтса вполне обаятельны — симпатичные супруги, принявшие волнующее решение перебраться из удушливой американской провинции в блистательный Париж, — зерно их гибели заложено в них с самого начала. Они — это важно — отнюдь не являются жертвами социальных условий или обстоятельств. Они сами и есть эти обстоятельства. Их ошибки неотменимы, как и их катастрофа. Подобно античным трагикам, Йейтс, поставив своих героев на исходные позиции, отходит в сторону и наблюдает за ними со стороны. Древние отдавали своих персонажей на волю рока. Йейтс тоже. Только рок его героев — это они сами.

СПб.: Азбука-Классика, 2009